

Усталость культуры и усталость от культуры в поэзии Иосифа Бродского*

Лев Закс

Гуманитарный университет;
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Fatigue of Culture and Fatigue from Culture in Joseph Brodsky's Poetry

Lev Zaks

University for the Humanities;
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This paper explores the poetry of Joseph Brodsky. One of the spiritual, semantic, and psychological dominants of the artistic consciousness and poetic work of the Nobel laureate acts as the subject of the analysis, and this aspect has not been considered either specifically or comprehensively so far. The author focuses on a typological, spiritual, and mental condition for Brodsky's artistic consciousness that permeates all of his work, i.e. fatigue. And it is a peculiar kind of fatigue – culturogenic fatigue – which acts, on the one hand, as fatigue of culture itself, its spiritual content, and psychological forms. On the other hand, it is people's fatigue from this weary culture and its phenomena. Through the analysis of Brodsky's poems of different periods, the article shows and interprets the main aspects of fatigue expressed in his poetry: fatigue as a property of world attitude, including the perception of nature, space, and time; as an underlying feature of existence (existences); as a dominant psychological mindset/type of personality; as a spiritual and psychological characteristic of the creative process and attitude to creative work, its language and meaning, its works and their recipients. In conclusion, the author states that in Brodsky's artistic work, the tiredness of art and its cultural foundations paradoxically

---

* *Citation:* Zaks, L. (2023). The Fatigue of Culture and Fatigue from Culture in Joseph Brodsky's Poetry. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 1. P. 135–155. DOI 10.15826/qr.2023.1.780.

Цитирование: Закс Л. Усталость культуры и усталость от культуры в поэзии Иосифа Бродского // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 1. С. 135–155. DOI 10.15826/qr.2023.1.780 / Закс Л. Усталость культуры и усталость от культуры в поэзии Иосифа Бродского // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 1. С. 135–155. DOI 10.15826/qr.2023.1.780.

go hand in hand with his devotion to art and will to create, his ability to find spiritual strength in it and its language.

Keywords: 20th-century Russian poetry, Joseph Brodsky, artistic consciousness, existential fatigue, spiritual and psychological fatigue

Предметом исследования выступает одна из духовно-смысловых и психологических доминант художественного сознания и поэтического творчества нобелевского лауреата Иосифа Бродского, до сих пор специально и комплексно не рассматривавшаяся. Речь идет о типологическом для художественного сознания Бродского, проходящем через все его творчество духовно-душевном состоянии – усталости. Это особого рода усталость – культурогенная, выступающая, с одной стороны, как усталость самой культуры, ее духовного содержания и психологических форм, а с другой – как усталость людей от этой усталой культуры и ее конкретных феноменов. Через анализ стихотворений разных периодов творчества Бродского показаны и осмыслены основные аспекты выражаемой в его поэзии усталости: усталость как свойство мироотношения, в том числе восприятия природы, пространства и времени; как глубинная черта существования (экзистенции); как доминанта психологического склада/типа личности; как духовно-психологическая характеристика творческого процесса и отношения к творчеству, его языку и смыслу, его произведениям и их реципиентам. Констатируется, что усталость от искусства и его культурных оснований у Бродского парадоксально сочетается с его приверженностью искусству и волей к творчеству, способностью находить в нем и его языке духовные силы.

Ключевые слова: русская поэзия XX в., Иосиф Бродский, художественное сознание, экзистенциальная усталость, духовно-психологическая усталость

Поэзия Бродского в своем смысловом содержании неисчерпаема. Цель и предмет статьи – анализ одного, до сих пор, мне представляется, практически не осмыслявшегося аспекта, парадигмального, как теперь принято говорить, как для самого Бродского, так и для репрезентируемого его творчеством *Geist der Zeit* («духа времени»). Это многозначная тема усталости. Усталости не чисто физической, «организменной», связанной с трудозатратами, а тех ее разновидностей, что порождены культурой (в ее самом широком значении) и отношениями людей с ней в самых разных сферах социокультурной жизни. Я выделяю два основных вида культурогенной усталости:

– усталость самой культуры как общее состояние растраты/рас-
траченности ею своих духовно-душевных ресурсов, «содержаний»
и энергий, так или иначе воссоздаваемое и выражаемое людьми;

– усталость людей (их коллективной и личной субъективности)
от конкретных культурных явлений, сфер, подсистем и даже культу-
ры в целом (подробнее см.: [Закс]).

Интерес к культуросгенным усталостям не случаен: эпоха постмодернизма, его мироотношение (особенно мироощущение) были буквально пронизаны атмосферой усталости как самой культуры, перенасыщенной многовековой памятью и трагическим опустошающим опытом XX в., так и коллективной и персональной усталостью людей от многих культурных явлений. Это поначалу достаточно элитарное, на уровне «высокой культуры» доминировавшее состояние со временем стало характерным для всех сфер российской (и не только) общественной жизни, массово ощутимым и постоянно фиксируемым экспертами – философами, политологами, психологами, культуросологами. Поразительно, однако, что если *феноменология* такой усталости достаточно разнообразно и тонко репрезентирована мировой и отечественной гуманитаристикой (см., например: [Кобрин; Легеза; Рассел; Сиоран; Хайдеггер; Хандке]), то научных работ по анализу и объяснению этого феномена почти нет. Большинство из них относятся к той конкретной сфере культурной антропологии, которая анализирует культурную усталость (утомляемость) как содержание культурного шока – характерного психологического состояния людей в ситуации их адаптации к чужой культуре (см., например: [Cultural Fatigue, 2009; Cultural Fatigue, 2012; Culture Shock and Fatigue; What is Cultural Fatigue?; When Difference Becomes Exhausting]), что существенно (и неоправданно) сужает масштаб и разнообразие культуросгенной усталости.

Среди социокультурных явлений, выразивших состояние усталости и заставивших обратить на него исследовательское внимание, была (наряду с фильмами Киры Муратовой и совсем иными – Алексея Балабанова, рефлексиями Владимира Мартынова, поздними стихами Владимира Соколова) поэзия Бродского.

В стихах Иосифа Бродского, на мой взгляд, выражены все основные аспекты отношений искусства с усталостью в их естественном органическом единстве: экзистенциальная усталость субъекта, репрезентируемая им художественно, – усталость творца искусства – усталость самого искусства как реальности и ценности – усталость субъекта, индивидуального и коллективного, от этого усталого искусства. В центре – усталость как важное для автора – человека и поэта – состояние. В художественном мире Бродского главенствуют феноменология и рефлексия собственных экзистенциальных состояний, опредмеченное в образно-языковой ткани стихов мироощущение.

То, что поэзия Бродского с ее поразительной образно-смысловой тонкостью и нетривиальностью выразила не только богатство жизни и культуры, но и черты их глубокого кризиса, общеизвестно и общепризнано. Причем эти черты редко предстают перед читателем Бродского в созерцательной отстраненности, эпической «объектности» и будто бы объективности. Даже их интеллектуальная аналитичность глубоко личностна, интимна, сокровенна. И сложнейшего смысла образы, и мыслительные ходы поэта добираются до нутра читателей

благодаря неожиданной для такого высочайшего уровня духовного видения мира непосредственной, естественной, узнаваемо бытовой и родной современнику поэта интонации. А одной из важных константных составляющих личностного духовно-психосоматического комплекса субъективности Бродского с очень ранних пор выступает усталость. «Теперь все чаще чувствую усталость», – написано двадцатилетним Бродским. И первоначально она предстает перед нами именно в своей предметной и эмоциональной обывочности, интонируемой с максимальной непосредственностью и простотой. Практически до самого конца, все усложняясь во всех компонентах своих текстов, Бродский будет поражать вкраплениями в эту растущую и часто требующую от читателя недюжинных духовных сил сложность «неслыханной простоты». Усталость осознается молодым Бродским прежде всего как старение организма, утрачивающего быструю силу, энергетику, динамику:

Старение! Здравствуй, мое старение!
 Крови медленное струение.
 Некогда стройное ног строение
 мучает зрение. Я заранее
 область своих ощущений пятаю,
 обувь скидая, спасаю ватую...
 Правильно! Тело в страстях раскаялось,
 Зря оно пело, рыдало, скалилось.
 В полости рта не уступит кариес
 Греции Древней, по меньшей мере.
 Смрадно дыша и треща суставами,
 Пачкаю зеркало. Речь о саване
 Еще не идет. Но уже те самые,
 Кто тебя вынесет, входят в двери
 «1972 год» (т. 2, с. 290)¹.

И здесь же: «Силы из мышц у меня украдены», а все стихотворение – странное для молодого человека подведение итогов:

Если что-то во мне и теплится,
 это не разум, а кровь всего лишь.

Речь о, так сказать, редукции всего существа к бесчувственному телу-вещи, что протеста не вызывает, поскольку «чувство ужаса / вещи не свойственно». Понятно, что усталость – симптом экзистенциального кризиса, кризиса и усталости самой жизни. И вот вполне бытовые «соматические» ощущения (в стихах уже 1976 г.):

¹ Здесь и далее стихи и эссе И. Бродского цитируются по собранию сочинений [Бродский, 1992–2003] с указанием тома и страницы.

Я не то что схожу с ума, но устал за лето.
За рубашкой в комод полезешь, и день потеряю.
Поскорей бы, что ли, пришла зима и занесла все это –
города, человек, но для начала зелень.

Они свидетельствуют о духовно-душевном утомлении-опустошении:

и, хотя твой мозг перекручен, как рог барана,
ничего не каплет из голубого глаза
(т. 2, с. 416).

Как видно из первой строфы, достаточно неожиданно более всего утомляет лирического героя зелень лета – средоточие и символ витальности и полноты цветущей жизни. Кажущаяся на первый взгляд бытовой, усталость оказывается более глубокой – усталостью от современного социального существования (города и люди) и от самой жизни. И выражается она, кажется, не только напрямую – через бытовую эмпирию, но одновременно, без элементов столь любимой поэтом «метафизики» и без погружения в само экзистенциальное состояние, без его феноменолого-психологической проработки. Через несколько лет уже живущий в Америке Бродский моделирует свою экзистенциальную усталость «обратным» способом: без ее прямого названия и простейшей эмпирико-бытовой мотивации – зато с детальной репрезентацией косвенных предметных симптомов усталости и развернутой феноменологией смыслопереживательных и интеллектуально-смысловых ее составляющих.

В «Строфах» (1978), посвященных Марине Басмановой (Бродскому нет еще и 40 – 38), жизнь уже воссоздана как экзистенциальная усталость. И эта печальная тема сопряжена с одной из ведущих во всем творчестве поэта тем – темой языка и речи как самостоятельных продуктивных сил. Но здесь не эта тема дарит «картине мира» свою творческую энергию, а, наоборот, она сама становится выражением идеи и настроения усталости как упадка, отчуждения, утраты индивидуальности:

Дорогая, несчастных
нет! Нет мертвых, живых,
Всё – только пир согласных
на их ножках кривых...
Право, чем гуще россыпь
черного на листе,
тем безразличней особь
к прошлому, к пустоте
в будущем. Их соседство,
мало суля добра,
лишь ускоряет бегство
по бумаге пера
(т. 2, с. 457–458).

Не творческое вдохновение-воодушевление ускоряет работу речи – рождение стихов, а дискомфорт усталого человека от соседства с потерявшими для него значимость прошлым и будущим. Здесь доминирует усталость духовная, обесмысливание базовых реальностей-ценностей. А язык и речь – жестокие инструменты этой усталости:

Знаешь, все, кто далече,
по ком голосит тоска –
жертвы законов речи,
запятых, языка

(т. 2, с. 457).

Доминирует – как во многих стихах Бродского – имперсональная, обезличенная ткань усталой экзистенции. Важнейший актер-творец ее – само время, вечно притягивающее и отталкивающее, как неразрешимая загадка и всемогущая сила, художественное сознание поэта:

Все, что мы звали личным,
что копили, греша,
время, считая лишним,
как прибор с гольша,
стачивает – то лаской,
то посредством резца, –
чтобы кончить цикладской
вещью без черт лица

(т. 2 с. 456).

Ты не услышишь ответа,
если спросишь «куда»...

(т. 2, с. 458).

Смысл существования как онтологический атрибут, таким образом, усталым миром утрачен. «Опустошенность» – его органическое качество, несмотря на богатство «состава» реальности и ее поэтической восприимчивости. Но и лирическое «я» заявляет о себе и своей причастности, говоря гегелевским языком, к «общему состоянию мира». И, естественно, само оказывается воплощенной усталостью, телесной и духовной:

Эти строчки, по сути,
болтовня старика...

(т. 2, с. 460).

Чем безнадежней, тем как-то
проще. Уже не ждешь
занавеса, антракта,
как пылкая молодежь.

Свет на сцене, в кулисах
Меркнет. Выходишь прочь
В рукоплесканье листьев,
в американскую ночь.
Жухлая незабудка
мозга кривит мой рот.
Как тридцать третья буква,
я пячусь всю жизнь вперед
(т. 2, с. 457).

И важное признание:

Бедность сих строк – от жажды
что-то спрятать, сберечь;
обернуться. Но дважды
в ту же постель не лечь
(т. 2, с. 458).

Конечно, это об утраченной любви. Но в контексте, широчайшем мировоззренческом контексте «Строф» – и об утрачиваемой жизни, ее исчерпанности, растраченности – опустошенности витальной (энергетической), душевной, смысловой: «разговор о грядущем – тот же старческий бред». И закономерная финальная строфа:

Облокотясь на локоть,
Я слушаю шорох лип.
Это хуже, чем грохот
и знаменитый всхлип.
Это хуже, чем детям
сделанное «бо-бо».
Потому что за этим
не следует ничего
(т. 2, с. 461).

«Ничего». Онтологически – это постоянно присутствующая в поэзии Бродского пустота. Витально (телесно) – это исчерпание жизненных сил, энергий («Силы, жившие в теле, ушли на трение тени» («Письма династии Минь», 1977 – т. 2, с. 427)). Психологически – это состояние отчужденности, переживание пониженного жизненного тонуса, некоторого психосоматического оцепенения, «замороженности», или «духоты»; как скажет Бродский в написанной позже (1988) «Новой жизни»:

Представь, что чем искренней голос, тем меньше в нем
слезы,
любви к чему бы то ни было, страха, страсти
(т. 3, с. 168).

Это и сосредоточенность воли на созерцании и усталой рефлексии, доминанта умонастроений скепсиса и пессимизма: изменения к лучшему нереальны,

ибо рай – это место бессилья. Ибо
это одна из таких планет,
где перспективы нет
(«Колыбельная трескового мыса», 1975, т. 2, с. 303).

Духовно – это кризисные, подчиненно-страдательные, обессиленные отношения с бытием и его атрибутами (особенно с пространством и временем). И отсюда – их удивительное «бродское» остранение, как бы самостоятельная, независимая от человека и «перпендикулярная» ему их жизнь. Например, в «Венецианских строфах (2)» (1982): «пейзаж, способный обойтись без меня» (т. 3, с. 56) – после нагромождения образов множества венецианских реалий (явления природы, погоды, городского ландшафта, традиционные для Венеции «шлюпки, моторные лодки, баркасы, барки»), существующих сами по себе и как бы вовсе не нуждающихся в человеческом субъекте. Или так (в той же «Колыбельной...»):

И пространство пятилось, точно рак,
пропуская время вперед. И время
шло на запад, словно к себе домой,
выпачкав платье тьмой
(т. 2, с. 356).

Они у Бродского субъекты, тогда как человек все более утрачивает черты онтологической субъектности, а автор – наблюдатель за самодвижением вещей и свойств, даже органов самого человека («Это записки натуралиста» – можно было бы сказать о таком наблюдающем со стороны сознании словами самого поэта («Квинтет», 1977). Девальвация и обесмысливание базовых (еще сравнительно недавно абсолютных) ценностей, таких как истина («Лучшая судьба – быть не причастным к истине» («Бюст Тиберия», 1985). Бахтин называл смыслами «ответы на вопросы» [Бахтин, с. 350]. В точном соответствии с этим у Бродского бессмыслица как форма выражения, эквивалент духовной усталости рождает настойчиво повторяемый призыв к сознанию перестать вопрошать, ведь смысла нет, есть пустота, «ничего», мертвое «царство льда», значит, ответа быть не может:

И не спрашивай, если скрипнет дверь,
«Кто там?» – и никогда не верь
отвечающим, кто там
(«Колыбельная трескового мыса», т. 2, с. 364).

Ты не услышишь ответа,
если спросишь «куда»,
так как стороны света
сводятся к царству льда
(«Строфы», 1978, т. 2, с. 458).

И становится ясно, что нечего вопрошать
ни посредством горла, ни с помощью радиозонда
синюю рябь, продолжающую улучшать
линию горизонта
(«Новый Жюль Верн», 1976, т. 2, с. 392–393).

На фоне падения всех абсолютов (что есть типологическая черта постмодернистского мироотношения в целом) эта пустота, «ничего» остается у Бродского последним и совершенно фатальным абсолютном – последним пределом существования и тщетных познавательных, вообще осваивающих усилий сознания: «только пепел знает, что значит сгореть до тла» (1986) (т. 3, с. 123).

А к образу усталого субъекта, по преимуществу совпадающего с лирическим «я» автора, который явлен в «Строфах», добавляются новые важные штрихи. Так, полный «культурно-исторических» значений образ руин становится важной метафорой упадка и распада не только прошлых жизней, но и вполне живой личности, правда, утратившей помогающую сохранить ей целостность, энергетику жизни, усталой витально, ментально и духовно:

Мой рот оскален
от радости: ему знакома
судьба развалин.
Огрызок цезаря, атлета,
певца тем паче
есть вариант автопортрета.
Скажу иначе:
усталый раб – из той породы,
что зрим все чаще...
(«Пьяцца Маттеи», 1981, т. 3, с. 27).

Пушкинский образ-формула «усталый раб» венчает метафору руин, признаваемых автопортретом автора. Но и характерным для времени типом личности («зрим все чаще»). А дальше образы усталого мира и усталого человека продолжают наращивать свою «феноменологию». Я бы в этом отношении выделил «Эклогу 4-ю (зимнюю)» (1980) и «Муху» (1985).

«У Бродского есть скучные стихи, что говорить, стихи достаточно монотонные. “Эклоги”, например, зимняя и летняя, как мне кажется, довольно скучное стихотворение “Муха”», – так отозвался Дмитрий

Быков именно о названных мной стихах (хотя и не только о них) из в целом очень высоко оцененного им сборника «Урания» [Быков]². Меня эта оценка ничуть не смущает. Интонационный строй названных стихов действительно ровный, отстраненно-монотонный и, если хотите, скучный. Бродский, напомним, писал о скуке, связывая ее с однообразием, то есть именно с монотонностью жизненных процессов, и ей адресовал свою «Похвалу скуке» (т. 6, с. 86–92). А я вижу в скуке коррелят-эквивалент, или эмоциональное выражение, усталости. Таким образом, все сходится. Бродскому нужно было передать читателю органичное для него состояние экзистенциальной усталости, и он написал о ней монотонным темпоритмом, отозвавшимся в душе темпераментного, остро реактивного Быкова (и не только в ней одной) состоянием скуки, актуализировавшей, в свою очередь, субъективное (сокровенное, лирическое) ядро этих стихов – усталость всего существования высказывающегося автора.

Итак, «Эклога 4-я (зимняя)», посвященная другу Бродского и тоже нобелиату Дереку Уолкотту. Зима с ее морозным оцепенением – хороший, подходящий материал для объективации усталого мироощущения. Правда, здесь возможен и оппонирующий взгляд: мол, для Бродского первична сама зима («времена года» – вечная же тема искусства), его настроение продиктовано естественной «фактурой» зимы; не усталость выбрала себе «субстратом» зиму, а, наоборот, суровая, все замораживающая стихия зимы определила тон, темпоритм и другие принимаемые за порождение усталости черты 4-й эклоги. На это у меня два ответа-контрвозражения. Во-первых, зима может восприниматься, особенно привычными к ней людьми, и совершенно иначе: «Мороз и солнце – день чудесный!» Такое восприятие есть и в творчестве Бродского, и даже, немного, в самой зимней эклоге. Но характер отсылки к пушкинскому отморозившему пальчик, но смеющемуся мальчику говорит о доминанте «минорного» – безрадостного и усталого (скажу сильнее – утомленного самой зимой!) восприятия зимы Бродским. Там, где у Пушкина «и больно, и смешно», у Бродского «пальчик шалуна» дан в контексте темы одиночества и темы зимних сумерек, рифмующихся не с активными переживаниями, а с пассивной реакцией, характерной именно для усталости: «глаз зимою скорее закатывается, чем плачет» (т. 3, с. 15). Плач, иначе говоря, требует сил, а этот глаз обессилен и потому закатывается подчиняющим его торможением = погружением в сон. И при этом воздействие «упавшего сильно ниже нуля» времени (действующая на человека сила – не мороз как таковой, а замерзшее время) травматично: «обжигает ваш мозг» (там же). Вам совсем не до смеха.

И тут время для второго контраргумента. Для сознания Бродского мороз и лед важны не только как фенологические приметы зимы –

---

² Д. Л. Быков и телеканал «Дождь» внесены Министерством юстиции РФ в реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранных агентов.

у них своя ценностная семантика духовно-душевного, а не только соматического оцепенения, некоего внутреннего паралича, чуждых человеку сил, крадущих его собственные = глубоко утомляющих. Так, в уже цитировавшейся строфе из «Строф» появляется лед вне «сюжетной» привязки к климату и погоде, зиме и т.п. Он оказывается метафорой-символом-объяснением утомляющей, все замораживающей, то есть мертвящей силы, что обесмысливает экзистенцию, а с ней – и кажущиеся неустранимыми вопросы сознания:

Ты не услышишь ответа,
если спросишь «куда»,
так как стороны света
сводятся к царству льда
(там же).

«Царство льда» в своей «географической», «картографической» данности, точно фиксируемой двумя последними строчками строфы, парадоксальным образом оказывается причиной абсурда и безразличия мира к человеку – царством, где властвует всемирная заморозенность («исчадьё оледененья», как будет сказано в стихотворении «Томасу Транстрёмеру» 1993 г.), атараксия, упадок сил и тотальная бессмыслица – коррелят усталого сознания в навсегда усталом бытии. В зимней эклоге это царство получает развертывание не через метафоризацию пространства, но времени – времени года. И это дает возможность развернуть через образ существования в замерзшем времени феноменологию усталой (и онтологически, и ценностно-мировоззренчески) экзистенции. Парадокс, конечно: время замерзло, но все равно «развертывается», то есть длится, и вместе с ним, «в нем» длится усталость – и самого существования, погруженного в ледяное оцепенение, и от этого существования, и от смысловой опустошенности, редуцированности, тщетности осмысляющих усилий, а по сути – рифмующегося с усталым бытием бессилия сознания. «Бродский» вариант гегелевского тождества бытия и сознания – вариант его, тождества, заморозки, оледенения, усталости.

Через всю эклогу рефреном проходит грустная констатация: «жизнь моя затянулась» – так сознание целостно фиксирует самоисчерпанность обессилившей экзистенции. Эта фиксация – обобщение, растущее из малых, частных примет оледенения-усталости. Как скажет Бродский в следующей, пятой (летней) эклоге, «жизнь – сумма мелких движений»; в зимней эклоге эти мелкие движения – работа холода, сиречь усталости. «В эту пору голодных нетрудно принять за сытых». Не потому, что, как сказано перед этим, «Зимой смеркается сразу после обеда». А потому что в царстве оледенения-усталости у голодных нет сил на естественную для них активность поиска пропитания – они пассивны от усталости так же, как и сытые. Нет сил даже на минимум речи: «Зевок загоняет в берлогу простую фра-

зу». И на бессмысленные разговоры, например, о цветах, нет сил, да и смысла нет: «Роза и незабудка в разговорах всплывают все реже». А о состоянии бросающихся вслед за незнакомцем собак сказано: «с вялым энтузиазмом». И вокруг – спящий город, сонное царство ночи. Тут и звучит впервые этот рефрен о затянувшейся жизни (начало второй строфы). Чтобы потом продолжить нанизывание примет той же усталости:

Жизнь моя затянулась. В речитативе вьюги
 обострившийся слух различает невольню тему
 оледенения. Всякое «во-саду-ли»
 есть всего лишь застывшее «буги-вуги».
 Сильный мороз суть откровенье телу
 о его грядущей температуре
 либо вздох Земли о ее богатом
 галактическом прошлом, о злом морозе.
 Даже здесь щека пунцовеет, как редиска.
 Космос всегда отливает слепым агатом,
 И вернувшееся восвоеси «морзе»
 попискивает, не застав радиста

(т. 3, с. 13).

Рефрен будет повторен еще дважды. И промелькнут нехотя и лениво темы-образы пространства, а особенно времени, что «есть холод», остывающего (= устающего светить) светила, одиночества, странных зимних сновидений, что во сне, что наяву – своего рода морок медленно длящихся реалий – фрагментов замерзшего и словно стригущего всех под одну гребенку, растворяющего в своем усталом обезличивающем растворе времени:

...Зимою на самом деле
 вторник он же суббота. Днем легко ошибиться:
 свет уже выключили или еще не включили?
 Газеты могут печататься раз в неделю.
 Время глядится в зеркало, как певица,
 Позабывшая, что это – «Тоска» или «Лючия»

(т. 3, с. 15).

Забвение, как мы знаем, тоже существенное проявление-примета усталости. Беспамятство – усталость сознания, можно сказать, его утрата. Вмещающее неисчислимы богатства времен и культур, сознание Бродского остро ощущает не только переломы и специфику времен, но и болезнь утраты связи со временем, чувства времени. Но здесь эта тема побочна, главное – замороженность времени в пространстве. Экспансия холода, захватывающего людей и города: «чем больше времени, тем холоднее» (т. 3, с. 16). Он проникает внутрь

человека и делает свое дело – парализует, превращает в усталую вещь: «Я нанизан на холод, как гусь на вертел» (там же). Но и мир от холода становится тем же:

В сильный мороз даль не поет сиреной.
В космосе самый глубокий выдох
не гарантирует вдоха, уход – возврата.
Время есть мясо немой Вселенной.
Там ничего не тикает. Даже выпав
из космического аппарата,
Ничего не поймаешь: ни фокстрота,
Ни Ярославны, хоть на Путивль настроясь.
Вас убивает на внеземной орбите
Отнюдь не отсутствие кислорода,
Но избыток Времени в чистом, то есть
Без примеси вашей жизни, виде

(т. 3, с. 17).

В космосе своя усталость – энтропия, оторванная от человека пустота, чистое избыточное время, не связанное с человеком и перестающее быть пространством его жизни. Без чего жить нельзя так же, как без кислорода. То, что на зимней Земле творит мороз, в космосе – его вечная холодная немота, или чистое, свободное от человеческих смыслов время – тотальную пустоту, отчужденность, усталость. Усталый в земном своем бытии, лирический автор не может перенести тотальной усталости – бесчеловечности отчужденного космоса. Следует отталкивание – временное эмоциональное пробуждение: полное человеческое тепла и нежности признание влюбленности в зиму, когда она – очеловеченное пространство, полное детских праздничных вкусов и тепла – того самого, что Мандельштам именовал телеологическим. То есть опять же очеловеченным, полным дорогими сердцу предметами и человеческого смысла и обращенным к человеку.

Зима! Я люблю твою горечь клюквы
к чаю, блюдца с дольками мандарина,
твой миндаль с арахисом, граммов двести.
Ты раскрываешь цыплячьи клювы
Именами «Ольга» или «Марина»,
приносимыми с нежностью только в детстве

(т. 3, с. 17).

Это кода стихотворения. Именно в этом тепле, не по законам зимы, холода и оледенения, а благодаря логике культуры, из ее теплых реалий рождается поэзия. «Так родится эклога». Поэзия замыкается на самой себе, возвращая и нас к теме искусства и его отношений с усталостью.

Логично ждать от усталого мироощущения поэта и проявлений *усталости от самого искусства*. И такие проявления в стихах Бродского есть, хотя их – особенно с учетом сказанного об усталости как константе его мироощущения – совсем немного. И появляются, и звучат они как бы между прочим, без особой акцентуации. И сама усталость имеет определенную и достаточно сходную в разных стихах эмоционально-смысловую окраску. Вот некоторые примеры.

В период «ранней» (рано проявившейся) усталости еще молодого Бродского она сказывается и как переживание тяжести творческого процесса, имманентная ему усталость творца (нетрадиционный, прямо скажем, случай раскрытия «вечной» поэтической темы мук творчества, где, как правило, акцентируется и проживается *усилие* как необходимая и «окупаемая», сторицей возмещаемая результатом работа одоления «сопротивления материала», творческого напряжения всех сил, «вытаскивающих» из небытия новую образную реальность и созидающих выразительное и самодвижущееся тело вобравшего эту реальность текста):

Тихотворение мое, мое немое,
однако тяглое – на страх поведьям,
куда пожалуемся на ярмо и
кому поведаем, как жизнь проводим?
(«Тихотворение мое...», 1976, т. 2, с. 408).

И это ощущение усиливается оттого, что Бродский воссоздает работу духовного созидания как тяжелый физический труд одоления материала жизни (а он здесь у Бродского ни много ни мало – субстанция светящейся ночью луны) – его воплощения в материальность текста:

Как поздно за полночь ища глазунию
луны за шторами зажженной спичкою,
вручную стряхиваешь пыль безумия
с осколков желтого оскала в писчую
(там же).

Правда, тут звучит и не столь бросающаяся в глаза, а, в сущности, главная, «целевая» мысль-тема, осложненная и утяжеленная, а, тем самым, если и не спрятанная, то отодвинутая аурой утомляющей тяжести работы. Это оправдывающая любые трудозатраты и, значит, усталость плодотворность, продуктивность усилия: шутка в деле – превратить далекую космическую (лунную) субстанцию в ее «очеловеченности» и притягательности в «писчую» – текстовую, стало быть, поэтическую! Этот идейный мотив повторяется в стихотворении «Торс» (1972) из того же сборника «Часть речи» (торс вообще нередкий гость в стихах Бродского; он важен для поэта своей амбивалентностью: как воплощенное эстетическое совершенство, представитель прошедшей давней культуры и времени, жертва-примета поглощаю-

щей, амортизирующей, разрушительной и утомляющей работы последнего). И в нем, стихотворении, мотив этот точно так же дан в соединении идеи продуктивности с состоянием усталости:

Воздух, пламень, вода, фавны, наяды, львы,
взятые из природы или из головы, –
все, что придумал Бог и продолжать устал
мозг, превращено в камень или в металл.
Это – конец вещей, это – в конце пути
зеркало, чтоб войти

(т. 2, с. 310).

Но, пожалуй, более всего усталость у Бродского дает себя знать как усталость былого восторженного праздничного возвышенного отношения к искусству как явлению особенному, незаурядному, выдающемуся. Усталость как девальвация коллективно-духовной ценности искусства и его шедевров, его влияния, вдохновляющей и аттрактивной силы. Как девалоризация этого своего рода «органа» веры, любви, надежды.

Чем безнадежней, тем как-то
проще. Уже не ждешь
занавеса, антракта,
как пылкая молодежь.
Свет на сцене, в кулисах
меркнет. Выходишь прочь
в рукопесканье листьев,
в американскую ночь
(«Строфы», 1978, т. 2, с. 457).

Бродскому в это время 38 лет! А он, усталый, себя не чувствует молодым (вот она, та самая сила «старения»! несколькими строками ниже он назовет свою речь «болтовней старика»), и для него «пылкая молодежь» – люди другого поколения, иного мира. Состояние усталости лирического героя оттеняется (и тем усиливается) контрастной силой жизни природы («рукопесканье листьев» vs затухание, *diminuendo* самого искусства и вялость усталого его реципиента). Этот или близкий этому образ появляется еще раз, и в той же семантике, в «Римских элегиях» (сам этот жанр, его «память», если по Бахтину, уже несет матрицу духовно-душевной усталости) из книги «Урания» (1981):

Мир состоит из складок.
В этих последних больше любви, чем в лицах.
Так и тенор в опере тем и сладок,
Что исчезает навек в кулисах

(т. 3, с. 43).

На некогда любимую оперу нет сил, и усталая душа радуется окончанию спектакля. Этой усталости публики соответствует в «Римских элегиях» усталая «размягченность» творца, его понижающая собственную ценность самооценка:

...Я, певец дребедени,
лишних мыслей, ломаных линий, прячусь
в недрах великого города от светила...
(т. 3, с. 44).

Рим предстает здесь городом разлагающих/расплавляющих и утомляющих все и вся (лирического героя в том числе и прежде всего) жары («одурь полдня») и исторического времени, репрезентированного римскими развалинами:

Хлопочи же, струя, над белоснежной, дряблой
мышцей, играй куделью седых подпалин.
Для бездомного торса и праздных граблей
ничего нет ближе, чем вид развалин.
Да и они в ломаном «р» еврея
узнают себя тоже; только слюнным раствором
и скрепляешь осколки, покамест Время
варварским взглядом обводит форум
(т. 3, с. 43).

Художественные руины – усталое искусство становится метафорическим символом общей усталости Рима и мира. Но ведь не только руины. И другие реалии, или образы искусства превращаются в метафоры бытийного утомления, но это становится возможным в результате усталости от самого искусства – его ценностного снижения, эстетической девальвированности, ее безусловного, лишнего даже оттенков иронии или игры, само собой разумеющегося в своем бытовизме тона. Обратите внимание, как образы этого сниженного в своем значении искусства органично сцеплены в тех же «Римских элегиях» с (данными как бы между прочим) приметами личностной, «антропологической» усталости:

В этих узких улицах, где громоздка
даже мысль о себе, в этом клубке извилин
прекратившего думать о мире мозга
где-то взвинчен, то обессилен,
переставляешь на площадях ботинки
от фонтана к фонтану, от церкви к церкви
– так иголка шаркает по пластинке,
забывая остановиться в центре, –
можно смириться с невзрачной дробью,

остающейся жизнью, с влечением прошлой
жизни к законченности, к подобью
целого. Звук, из земли подошвой
извлекаемый, – ария их союза,
серенада, – которую время оно
напевает грядущему. Это и есть Карузо
для собаки, сбежавшей от граммофона
(т. 3, с. 46).

Та же снижающая метафоризация реалий искусства в стихотворении «Сидя в тени» (1983, сборник «Урания») – в разговоре об обращенности всегда философствующего авторского *cogito* Бродского к критически воспринимаемой им человеческой массе (его отношение к ней нескрываемо идет здесь по следам Ортеги-и-Гассета и других критиков «массового» общества):

Эта песнь без конца
есть результат родства,
серенада отца,
ария меньшинства,
петая сумме тел,
в просторечьи – толпе,
наводнившей партер
под занавес, и т.п.
(т. 3, с. 75–76).

И в «Вертумне» (1990, сборник «Пейзаж с наводнением») та же ценностная редукция высокого – симптом духовно-душевной усталости, дотянувшейся и до отношения к большому искусству и сделавшей такое снижение повседневной нормой:

...Один караваджо равняется двум бернини,
Оборачиваясь шерстяным кашне
или арией в Опере. Эти метаморфозы,
теперь оставшиеся без присмотра,
продолжаются по инерции...
(т. 3, с. 204).

В этом контексте, а точнее – экзистенциальном режиме естественна и понятна и собственная, имманентная нарастающая усталость самого творца-художника, артикулированная, например, в «Сидя в тени»:

Чем искреннее певец,
тем все реже, увы,
давешний бубенец
вибрирует от любви
(т. 3, с. 73).

И продолжение этой темы усталости самого ментального «аппарата», ослабления, если не исчерпания, творческих сил поэта – в «Поэслесловии» (1987):

Я говорю с тобой, и не моя вина,
если не слышно. Сумма дней, намозолив
человеку глаза, так же влияет на
связки. Мой голос глух, но, думаю, не назойлив
(т. 3, с. 150).

И в «Новой жизни» из сборника «Пейзаж с наводнением» (1988):

Представь, что чем искренней голос, тем меньше в нем слезы,
Любви к чему бы то ни было, страха, страсти
(т. 3, с. 168).

А в том же «Пейзаже» годом позже («Я слышу не то, что ты мне говоришь, а голос»):

Когда-то я знал на память все краски спектра.
Теперь различаю лишь белый, врача смутив.
Но даже если песенка вправду спета,
От нее остается еще мотив
(т. 3, с. 266).

А девальвация ценности искусства – большого, серьезного искусства, что корреспондирует с усилением масштаба и значения искусства массового, в свою очередь, рождает усталость и самой мотивации к творчеству как общественно значимому и востребованному месседжу. Эта тема достаточно неожиданно («вдруг») возникает в финале пронизанного всеохватной (по горизонтали, «предметно», и по вертикали – телесно-психо-соматической) экзистенциальной усталостью в стихотворении «Жизнь в рассеянном свете» (1987). Искусству в усталом отчужденном обществе нет места, потому что нет отклика:

Спеть, что ли, песню о том, что не за горами?
о сходстве целого с половинкой,
о чувстве, будто вы загорали
наоборот: в полнолуние, с финкой.
Но никто, жилку надув на шее,
не подхватит мотивчик ваш. Ни ценитель,
ни нормальная публика: чем слышнее
куплет, тем бесплотнее исполнитель
(т. 3, с. 138–139).

Все эти аспекты усталости искусства и от искусства, несомненно, связаны и в равной мере коренятся как в том, что Гегель называл «общим состоянием мира» (а Бродский как мало кто в современной

поэзии умеет передать = создать художественный эффект усталости именно как «состояния мира»), так и в порождении последнего – мироощущении художника. Но в результате усталость укореняется и в самой сердцевине произведения, и в мире искусства, то есть в художественной культуре в целом, в ее ауре, атмосфере и веществе:

Дело, конечно, не в осени. И не в чертах лица,
Меняющихся, как у зверя, бегущего на ловца,
Но в ощущении кисточки, оставшейся от картины,
лишенной конца, начала, рамы и середины.
Не говоря – музея, не говоря – гвоздя
(«Кончится лето. Начнется сентябрь...», 1987, т. 3, с. 128).

К тому же усталое искусство, главным выражением которого для Бродского всегда оставалась поэтическая речь, устная и печатная, сама множит мировую усталость:

Знаешь, все, кто далече,
по ком голосит тоска –
жертвы законов речи,
запятых, языка
(т. 2, с. 457).

Так в «Строфах». А в своеобразном печальном гимне усталости и/или скорее реквиеме по усталому существу – «Мухе» (1985, сборник «Урания») поэт приравнивает к этой разносчице заразы (частью которой для него является и усталость: «Мной овладело оцепененье – сиречь твой вирус») поражающее действие своих стихов:

И только двое нас теперь – заразы
разносчиков. Микробы, фразы
равно способны поражать живое.
Нас только двое
(т. 3, с. 102).

Отсюда, казалось бы, логично прийти к идее усталости от искусства вообще и к предсказанию его неизбежного конца. Бродский, кажется, вплотную подходит к этому. В стихотворении из «Пейзажа с наводнением» «В этой маленькой комнате все по-старому» (1987) за мрачной констатацией полной девальвации ценности искусства: «В городах только дрозды и голуби / верят в идею архитектуры» (куда уж яснее!) следует еще более мрачное предсказание: «Несомненно, все это скоро кончится – быстро и, видимо, некрасиво» (т. 3, 137). Но все это опровергается стихами, и многочисленными, самого Бродского «во славу искусства». Если архитектура не нужна, зачем рождается посвященное Е. Рейну стихотворение-панегирик «Архитектура»?! А стихи М. Барышникову и другие («Испанская танцовщица») о чудесной силе танца? Или

многие стихи о театре?! Или словно отлитые в бронзу слова о слове как голосе Бога в стихотворении «На столетие Анны Ахматовой»? Отдельно стоит выделить многочисленные строчки о чудесной силе поэтического языка (не буду их цитировать – они хорошо известны). Но более всего, на мой взгляд, о принципиальной неотменимости искусства в усталом мире, где и сам поэт «усталый раб», удостоверяют сами стихи этого «усталого раба», длинные, долгие, не желающие заканчиваться – как пассажи Баха или симфонии Брукнера и Малера, напряженно длающиеся и ни на мгновение не прекращающие мыслить и чувствовать. И его неподвластная усталости – кажется, единственная из всех его духовных и душевных сил неподвластная ей – упрямая, упорная воля поэта. Воля к творчеству, воля к языку, речи, письму. Многократно звучащая нестихающим неустанным приказом самому себе:

Скрипи, мое перо, мой коготок, мой посох...
 Мне нечего сказать ни греку, ни варягу.
 Зане не знаю я, в какую землю лягу.
 Скрипи, скрипи перо! переводи бумагу
 («Пятая годовщина», 1977, т. 2, с. 422).

Сорвись, все звезды, с небосвода,
 Исчезни, местность,
 Все ж не оставлена свобода,
 Чья дочь – словесность.
 Она, пока есть в горле влага,
 Не без приюта.
 Скрипи, перо. Черней, бумага.
 Лети, минута
 («Пьяцца Маттеи», 1981, т. 3, с. 28).

Библиографические ссылки

- Бахтин М. М.* Из записей 1970–1971 годов // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 336–360.
- Бродский И.* Сочинения Иосифа Бродского : [в 7 т.]. СПб. : Пушк. фонд, 1992–2003.
- Быков Д.* Сто лекций с Дмитрием Быковым. Лекция № 94. Иосиф Бродский. «Урания» (1988) // LiveJournal : [сайт]. 2017. 9 сент. URL: <https://ru-bykov.livejournal.com/3059846.html> (дата обращения: 21.06.2020).
- Закс Л. А.* Усталость от культуры как феномен социокультурной жизни: постановка проблемы и общая характеристика // Koinon. 2021. Т. 2, № 2. С. 23–47. DOI 10.15826/koinon.2021.02.2.014.
- Кобрин К.* Призраки усталого капитализма (эссе последних лет о политике, искусстве и прочем). М. ; Екатеринбург : Кабинет. ученый, 2020. 200 с.
- Легеза С.* Смерть, власть, герой: по ту сторону модерна // Логос. 2005. № 2 (47). С. 179–192.
- Рассел Б.* Завоевание счастья. М. : Рос. писатель, 2015. 160 с.
- Сиоран Э. М.* Горькие силлогизмы. М. : Алгоритм : ЭКСМО, 2008. 368 с.
- Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие : ст. и выступления. М. : Республика, 1993. С. 63–176.

Хандке П. Эссе об усталости // Хандке П. Три эссе : Об усталости. О джукбоксе. Об удачном дне. СПб. ; М. : Jaromir Hladik Press : Libra, 2022. С. 5–50.

Cultural Fatigue. Top Travel Stories Philippines. 2009-10-01 // HoboTraveler : [website]. URL: <https://www.hobotraveler.com/travel-journal/cultural-fatigue.html> (accessed: 20.03.2022).

Cultural Fatigue, June 13, 2012 // Mangoes for Breakfast : [website]. URL: <https://mangoesforbreakfast.wordpress.com/2012/06/13/cultural-fatigue/> (accessed: 20.03.2022).

Culture Shock and Fatigue // TokyoJet : [website]. URL: https://tokyojet.fandom.com/wiki/Culture_Shock_and_Fatigue (accessed: 20.03.2022).

What is Cultural Fatigue? // VagabondJourney : [website]. URL: <https://www.vagabondjourney.com/what-is-cultural-fatigue/> (accessed: 20.03.2022).

When Difference Becomes Exhausting – Cultural Fatigue and Its Impacts in Today’s Workplace // Diversitas : [website]. URL: <https://diversitasdiversitas.co/trending-topics/when-difference-becomes-exhausting-cultural-fatigue> (accessed: 20.03.2022).

References

Bakhtin, M. M. (1979). Iz zapisei 1970–1971 godov [From the Records of 1970–1971]. In Bakhtin, M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow, Iskusstvo, pp. 336–360.

Brodsky, J. (1992–2003). *Sochineniya Iosifa Brodskogo v 7 t.* [Works of Joseph Brodsky. 7 Vols.]. St Petersburg, Pushkinskii fond.

Bykov, D. (2017). Sto lektsii s Dmitriem Bykovym. Lektziya No. 94. Iosif Brodskii. “Urania” (1988) [One Hundred Lectures with Dmitry Bykov. Lecture No. 94. Joseph Brodsky. “Urania” (1988)]. In *LiveJournal* [website]. September 9. URL: <https://ru-bykov.livejournal.com/3059846.html> (accessed: 21.06.2020).

Cioran, E. M. (2008). *Gor’kie sillogizmy* [Syllogism Bitterness]. Moscow, Algoritm, EKSMO. 368 p.

Cultural Fatigue. (2012). In *Mangoes for Breakfast* [website]. June 13. URL: <https://mangoesforbreakfast.wordpress.com/2012/06/13/cultural-fatigue/> (accessed: 20.03.2022).

Cultural Fatigue. Top Travel Stories Philippines. (2009). In *HoboTraveler* [website]. October 1. URL: <https://www.hobotraveler.com/travel-journal/cultural-fatigue.html> (accessed: 20.03.2022).

Culture Shock and Fatigue. (N. d.). In *TokyoJet* [website]. URL: https://tokyojet.fandom.com/wiki/Culture_Shock_and_Fatigue (accessed: 20.03.2022).

Handke, P. (2022). *Esse ob ustalosti* [An Essay on Fatigue]. In Handke, P. *Tri esse. Ob ustalosti. O dzhukbokse. Ob udachnom dne*. St Petersburg, Moscow, Jaromir Hladik Press, Libra, pp. 5–50.

Heidegger, M. (1993). Evropeiskii nigilizm [European Nihilism]. In Heidegger, M. *Vremya i bytie. Stat’i i vystupleniya*. Moscow, Respublika, pp. 63–176.

Kobrin, K. (2020). *Prizraki ustalogo kapitalizma (esse poslednix let o politike, iskusstve i prochem)* [Ghosts of Tired Capitalism (Essays of Recent Years on Politics, Art and Other Things)]. Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 200 p.

Legeza, S. (2005). Smert’, vlast’, geroi: po tu storonu moderna [Death, Power, Hero: Beyond Modernity]. In *Logos*. No. 2 (47), pp. 179–192.

Russell, B. (2015). *Zavoevanie schasti’ya* [Winning Happiness]. Moscow, Rossiiskii pisatel’. 160 p.

What is Cultural Fatigue? (N. d.). In *VagabondJourney* [website]. URL: <https://www.vagabondjourney.com/what-is-cultural-fatigue/> (accessed: 20.03.2022).

When Difference Becomes Exhausting – Cultural Fatigue and Its Impacts in Today’s Workplace. (N. d.). In *Diversitas* [website]. URL: <https://diversitasdiversitas.co/trending-topics/when-difference-becomes-exhausting-cultural-fatigue> (accessed: 20.03.2022).

Zaks, L. A. (2021). Ustalost’ ot kul’tury kak fenomen sotsiokul’turnoi zhizni: postanovka problemy i obshchaya kharakteristika [Fatigue from Culture as a Phenomenon of Sociocultural Life: Articulation of the Problem and General Characteristics]. In *Koinon*. Vol. 2. No 2, pp. 23–47. DOI 10.15826/koinon.2021.02.2.014.

The article was submitted on 26.06.2022